

рактеристикам Александра I,⁷⁰ оказывается особенно уместным, так как оно со всей полнотой выражает аналогию между репрезентациями Александра и Наполеона — аналогию, которую сам император и его приближенные хотели устранить, но которая постоянно актуализировалась в описанном нами мемориализационном процессе.

Надо отметить, что Пушкин, в отличие от других авторов стихов на бюсты Александра, оказался довольно внимателен непосредственно к скульптурному произведению, и здесь для него очень удобной оказалась еще одна модель описания — традиция античного экфрасиса, хорошо известная в его эпоху.⁷¹ Основными чертами этой описательной стратегии было превознесение искусства художника и восхищение натуралистичностью созданного им образа.⁷² Часто такие тексты имитировали диалогическую форму и могли начинаться с ответной реплики, что мы видим и в надписи Пушкина. Вообще, в русской литературной традиции эта модель редко использовалась в стихах на памятники: поэты предпочитали обращаться к великим делам изображенного, избегая упоминания скульптурного произведения. Но для Пушкина, который избирает путь описания, а не прославления, выбор этой модели вполне закономерен: подобно античным эпиграмматистам, поэт восхищается безошибочной точностью («напрасно видишь тут ошибку»), с которой искусство отображает реальную действительность («таков и был сей властелин»). Использование этой «наивной» модели позволяет свободно фиксировать взаимоисключающие черты государя, несомнимые к идеальному, благородному образу. Слово *арлекин* становится созвучно слову *лик*, которое в этом контексте вызывает однокоренное *личина*. Но это оценка не только личности государя, но и той репрезентационной маски, которая, как мы старались показать, была создана усилиями многих акторов, действующих не всегда в согласии с волей Александра I.

⁷⁰ Пушкин уже совершал подобное проецирование на Александра I черт, традиционно приписываемых Наполеону. В неоконченном тексте «Недвижный страж дремал на царственном пороге...» (1823) русский император, названный «владыкой севера», перед которым «все пало — под ярем склонились все главы», произносит монолог, где сравнивает себя с Кесарем, которому не грозит Брут (*Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб., 2016. Т. 2. Кн. 2. С. 94–95).

⁷¹ О распространенности переводов текстов из греческой антологии (в том числе экфрасиических) см.: *Кибальник С. А.* Русская антологическая поэзия первой трети XIX века. Л., 1990.

⁷² О структуре античных экфрасисов см.: *Брагинская Н. В.* Экфрасис как тип текста (к проблеме структурной классификации) // Славянское и балканское языкознание. Карпато-восточные параллели. Структура балканского текста. М., 1977. С. 259–283; о литературной традиции описаний в европейской поэзии см.: *Hagstrum J. H.* The Sister Arts: The Tradition of Literary Pictorialism and English Poetry from Dryden to Gray. Chicago; London, 1958. P. 3–170.

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-2-135-142

© С. А. Степина

Н. М. КОНШИН — СОТРУДНИК «УЧЕНОЙ РЕСПУБЛИКИ»*

Николай Михайлович Коншин (10 (21) декабря 1793 — 31 октября (12 ноября) 1859) — один из второстепенных литераторов конца 1810-х — начала 1840-х годов, прошедший характерную эволюцию от поэта-элегика до писателя-романиста и археографа, участвовавший, пусть и несколько на периферии пушкинского круга, в целом ряде кружковых и журнальных проектов 1820–1830-х годов, а впоследствии стремившийся запечатлеть в мемуарах историю литературного поколения, к которому принадлежал.

* Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-012-00306 А: «Литературное общество как культурный, политический и социальный институт (Вольное общество любителей российской словесности, 1816–1825)».

Внимание исследователей к Коншину объясняется прежде всего его личными связями с Е. А. Баратынским, А. А. Дельвигом и А. С. Пушкиным.¹ Между тем вхождение Коншина в литературу во многом было обусловлено его участием в Вольном обществе любителей российской словесности, которое, как представляется, сыграло свою роль в становлении Коншина-литератора, а также способствовало и его внелитературным успехам. Коншин, как и многие авторы не «первого» ряда, интересен не столько литературной продукцией, в большей степени эпигонской, сколько своей социальной траекторией, на примере которой можно проследить, как занятия литературой, не ставшие определяющими для его жизненной стратегии, сопоставлялись с карьерно-служебными устремлениями и общественным статусом. Подобные случаи ярко иллюстрируют те социальные возможности, которые могли дать образованному дворянину публичные выступления на литературном и/или научном поприще. Обращение к истории сотрудничества Коншина с ВОЛРС позволяет не только более подробно описать его литературную стратегию и уточнить эпизоды его ранней биографии, связанные с переводческой деятельностью, о которой до сих пор практически ничего не сказано в научной литературе, но и показать «символическую ценность» участия в ВОЛРС в начале 1820-х годов.

Прежде чем переходить к интересующим нас сюжетам, коротко опишем биографические или, точнее, служебные обстоятельства, предшествовавшие вступлению Коншина в ВОЛРС.

В 1805 году, по окончании курса в Вологодской гимназии, Коншин отправился в Петербург для определения в корпус, но из-за отсутствия документов, доказывающих его дворянское происхождение, его зачислили в роту для разночинцев. После выпуска из корпуса Коншин был переведен юнкером в гвардейскую конную артиллерию (1 ноября 1811 года); через два месяца, 25 декабря 1811 года, он держал офицерский экзамен и был произведен в прапорщики, но из-за бюрократических проволочек с документами не поступил в гвардию и был направлен в армию.² Коншин не участвовал непосредственно в военных действиях, а потому не получил награды за боевые заслуги, что могло бы способствовать продвижению по службе: в 1812 году он находился с 20-й конной ротой под Смоленском; заболев незадолго перед Бородинским сражением, смог вернуться в роту только в конце 1812 года; в 1813 году служил в Брянске. В 1844 году Коншин вспоминал: «В 1811 году я служил прапорщиком в конной артиллерии. Пока продолжалась последняя великая лихорадка Европы с XII до XV года включительно, естественно, продолжались и блистательные надежды всех прапорщиков. Однако же мир Европы застал меня в этом же чине, но уже больным и сердитым».³

Весной 1814 года вместе со своей батареей Коншин выступил в заграничный поход на Варшаву и Краков, а затем в Шклов. Здесь познакомился с учителем французского языка Александром Старынкевичем, который, по заверению самого Коншина, оказал огромное влияние на становление его мировоззрения и интеллектуальное развитие. Об этом известно из его автобиографических записок «Для немногих»:

¹ См., например: *Лонгинов М. Н.* Баратынский и его сочинения // Русский архив. 1867. Вып. 2. С. 253–255; *Медведева И.* Ранний Баратынский // Баратынский Е. А. Полн. собр. стихотворений: В 2 т. Л., 1936. Т. 1. С. L–LXVII; *Вацуро В. Э.* 1) «Северные цветы». История альманаха Дельвига — Пушкина. М., 1978. С. 176–178; 2) Из литературных отношений Баратынского // Вацуро В. Э. Пушкинская пора. СПб., 2000. С. 342–349; *Летопись жизни и творчества Е. А. Баратынского / Сост. А. М. Песков; подг. текста Е. Э. Ляминой, А. М. Пескова.* М., 1998. С. 12–20, 36–37, 100–109 и др.; *Баратынский Е. А.* Полн. собр. соч. и писем / Руководитель проекта А. М. Песков. М., 2002. Т. 1. Стихотворения 1818–1822 годов. С. 95, 150, 153, 162–163.

² Здесь и далее биографические сведения о Коншине приводятся по следующим источникам: *Кирпичников А. Н. М.* Коншин 1793–1859 гг. Эпизод из истории русского романтизма, по неизданным документам // Русская мысль. 1897. № 5. С. 144–170; *Вацуро В. Э.* Коншин Н. М. // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М., 1994. Т. 3. С. 61–62.

³ *Коншин Н. М.* Воспоминания о Баратынском или четыре года моей финляндской службы с 1819 по 1823 // Краеведческие записки Ульяновского областного краеведческого музея им. И. А. Гончарова. Ульяновск, 1958. Вып. 2. С. 389–390.

«...он первый развернул мои понятия, и первый дал мне существенное право на некоторую самонадеянность и благородную свободу мыслей. <...> с ним прочитал я и философов, и мечтателей; и признаюсь, что особенная нежность ко мне этого редкого человека внушила в меня большее к себе уважение, и я устыдился прежней слепоты своей».⁴

Кружок Старынкевича состоял в основном из молодых дам. Здесь Коншин обратился к чтению философии, увлекся классической и современной поэзией и, по-видимому, приободренный наставником, стал пробовать собственные силы в литературном творчестве.

В начале 1816 года Коншин отправился в Петербург, чтобы «проситься в гвардию» или «армию, стоящую на Турецкой границе»,⁵ но получил везде отказ, 10 февраля 1818 года вышел в отставку в чине поручика. Неудачи в военной карьере разочаровали Коншина, но не разрушили его мечты о славе и высоком положении в обществе. При протекции отца он поступил в Департамент мануфактур и внутренней торговли, однако служба мелким чиновником казалась ему занятием скучным, недостойным и мало приближающим к заветной цели — получению дворянства.

Чтобы обратить на себя внимание и продвинуться в служебной карьере, Коншин, вероятно осознавая связь между литературой и социальными привилегиями, решил прибегнуть к архаичной модели патронажа⁶ и преподнести императору «серьезный» литературный труд. 29 июля 1818 года Коншин обратился к министру духовных дел и народного просвещения князю А. Н. Голицыну с письмом, в котором просил дозволения преподнести императору свой перевод книги французского историка Пьера-Николя Ружрона «Царствование Карла Великого, короля французского, императора западного»,⁷ а также ходатайствовал о монаршей милости в уважение прежних «благороднейших подвигов» и «невозвратной потери здоровья на службе отечеству, в бывшую 1812 года кампанию».⁸ В случае признания книги достойной некоторой награды Коншин «желал бы, чтоб высочайше повелено было, при вступлении его в статскую службу, переименовать его в 10-й класс, соответственно пожалованному ему при отставке артиллерии поручика чину».⁹

Не дождавшись ответа в течение четырех с половиной месяцев, в декабре 1818 года¹⁰ Коншин написал еще одно письмо Голицыну. Только после этого началось движение рукописи, которая была отправлена для дальнейшей экспертизы пошечителю Санкт-Петербургского учебного округа С. С. Уварову, а тот в свою очередь поручил составить отзыв о ней профессору кафедры общего права Санкт-Петербургского университета А. П. Куницыну.

Несмотря на в целом одобрительный отзыв Куницына и рекомендацию книги к публикации после исправления некоторых переводческих погрешностей и стилистических

⁴ РНБ. Ф. 369. Оп. 283. № 1. Л. 11 об.

⁵ Там же. Л. 13 об.

⁶ Подчеркнем, что и в дальнейшем модель патронажа в служебных делах и стремление к «конвертации» символического ресурса литературного имени в социальные блага останутся релевантными для Коншина. В 1836 году он обратится к Пушкину с просьбой убедить В. А. Жуковского ходатайствовать за него перед С. С. Уваровым для назначения на должность директора училищ Тверской губернии (см.: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: [В 16 т.]. [М.; Л.], 1949. Т. 16. С. 201–202). С искажением подробностей эта история «со слов Коншина» представлена в статье: *Рогозинников И.* Литературные труды бывшего директора училищ ярославской губернии Н. М. Коншина // *Ярославские губернские ведомости.* 1864. №17–18. 23 и 30 апр. С. 127; републ.: *Трефолов Л. Н.* 1) Рассказы об ярославской старине (IX. Крылов и Пушкин по рассказам ярославцев) // *Русский архив.* 1877. № 12. С. 402–403; 2) Крылов. — Пушкин. — Коншин // *Русская старина.* 1887. Т. 55. № 8. С. 464–465; *Кирпичников А. Н.* М. Коншин 1793–1859 гг. С. 162–163 (с пояснениями).

⁷ *Rougeron P. N.* Le règne de Charlemagne roi de France. Et empereur d'occident. Paris, 1807; 1817.

⁸ РГИА. Ф. 733. Оп. 87. № 29. Л. 2.

⁹ Там же. Л. 4.

¹⁰ Там же. Л. 3 (помета о получении письма с датой «16 декабря 1818», сам Коншин указал только месяц и год).

неточностей, 12 марта 1819 года последовала резолюция: «...Господин Министр по изъяснении ему сей книги содержания не находит приличным посвящать и подносить оную Государю Императору».¹¹ Такой ответ означал, что первая попытка Коншина воспользоваться патронажной моделью и укрепить свою социальную позицию оказалась неудачной.

Сам Коншин, по-видимому, понял это раньше получения официального решения, поскольку начал искать более быстрого карьерного роста в армейской службе, и уже в марте 1819 «по высочайшему приказу» вернулся в полевые полки, намереваясь, по его словам, «в короткое время получить майорский чин».¹² Однако, опираясь на автобиографические записки Коншина, можно предположить, что переход в армию не ослабил его желания войти в литературный круг: «В скромном армейском мундире я стал более уважать себя и точно стал более, нежели прежде, достоин уважения. Я потерял фанфаронство в словах и в образе жизни: прилепился к занятиям полезным; словесность и науки были товарищами моего уединения; химерический, необыкновенный идеал будущего рассыпался в мозгу моем мало-помалу, ограничился уже моим — *сегодня и завтра*; и ничем неутолимая жажда чего-то неизвестного, но великого превратились в тихое желание достижения цели определенной и возможной. Товарищи жизни, о которой и теперь еще с восторгом вспоминаю!..»¹³

Это признание Коншина говорит о том, что литературные занятия в этот период были осознаны им не только как средство «достижения цели определенной и возможной», но и как важная составляющая частной, душевной жизни. Не случайно тогда же изменяются и принципы литературно-бытового поведения Коншина: он ищет не внелитературного покровительства, но дружеской поддержки изнутри литературного мира.

Литературный дебют Коншина состоялся благодаря его знакомству с Баратынским в Нейшлотском пехотном полку в Финляндии. В жизни Коншина Баратынский стал тем, кем для него в свое время был Дельвиг, — другом и, несмотря на разницу в возрасте (а Коншин был даже старше Баратынского на 7 лет), поэтическим наставником, который уже обладал литературным опытом и репутацией и, заметив талант приятеля, способствовал его развитию и продвижению.¹⁴ Примечательной траектории: в силу разных обстоятельств они оба оказались, так сказать, «дворянами без дворянства» и для них обоих литература, помимо прочего, была тем полем, которое давало возможность улучшить свое положение.¹⁵

Для своих дебютных сочинений Коншин избрал жанр дружеских посланий, которыми обменивался с Баратынским и в которых неизменно ему подражал. Первой публикацией Коншина стало послание «Баратынскому» («Куда девался мой поэт?...», 1 августа 1820), помещенное в сентябрьском номере журнала «Благонамеренный»,¹⁶ где в первой половине прошлого, 1819 года, дебютировал сам Баратынский.

¹¹ Там же. Л. 10.

¹² РНБ. Ф. 369. Оп. 283. № 1. Л. 14 об. Ср.: «В 1818 году я вышел в отставку поручиком и целый год придумывал, что делать с своей персоной. Жар головы простыл, я решил вступить в гражданскую службу; но как неучам чин коллежского асессора не давался, то предварительно решил, поправ всякую гордыню, идти в армейскую пехоту, стоящую в Финляндии (где от скуки множество шло в отставку и потому производство было скорое), и дослужиться во фронте до этого заповедного чина» (Коншин Н. М. Воспоминания о Баратынском или четыре года моей финляндской службы с 1819 по 1823. С. 390).

¹³ РНБ. Ф. 369. Оп. 283. № 1. Л. 14 об. — 15.

¹⁴ О тактике литературного дебюта и стратегии литературного поведения Баратынского см., например: Хитрова Д. М. Литературная позиция Е. А. Баратынского 1820 — первой половины 1830-х годов. Дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. С. 16–78.

¹⁵ Подробнее о связи между творческой позицией Баратынского и его военной службой, а также о попытках привлечь «символический капитал» литературных занятий для карьерного продвижения см.: Бодрова А. С. Военная служба Е. А. Баратынского: между биографией и поэзией // Чины и музы: Сб. статей / Отв. ред. С. Н. Гуськов, ред. Н. В. Калинина. СПб.; Тверь, 2017. С. 131–155.

¹⁶ Благонамеренный. 1820. Ч. 11. № 17. С. 329 (с цензурной заменой ст. 21–23, помета: «1 августа 1820, К. Валькиала»).

Хотя документальных подтверждений этому нет, вероятно, не без участия Баратынского (в это время члена-корреспондента ВОЛРС) на заседании Общества 29 ноября 1820 года были представлены как «сочинения неизвестного» два послания Коншина: «Баратынскому (при вступлении из лагеря в деревню)» («Забудем, друг мой, шумный стан...», май–июль 1820) и «Баратынскому (ответ)» («Поэт, твой дружественный глас...», 1820). Оба стихотворения были одобрены, но первое по неизвестным причинам осталось неопубликованным, а второе появилось в последней книге «Соревнователя просвещения и благотворения» за 1820 год без подписи.¹⁷

Впоследствии Баратынский, будучи уже действительным членом ВОЛРС (с 28 марта 1821 года) и имея по Уставу «право предлагать в Члены Общества особ, достойных и могущих быть полезными»,¹⁸ выдвинул кандидатуру Коншина в члены ВОЛРС, о чем имеется запись от 16 мая 1821 года в «Делах по части секретаря Общества». ¹⁹ Из этого же документа известно, что 31 мая 1821 года большинством голосов Коншин был избран в сотрудники, а 19 декабря — в действительные члены ВОЛРС.²⁰

Такой, можно сказать, быстрый перевод из сотрудников в действительные члены Общества²¹ объясняется тем, что, с одной стороны, с июня 1821 года Коншин относительно регулярно мог посещать собрания Общества,²² поскольку Нейшлотский полк дислоцировался в Петербурге с апреля 1821 года по июль 1822 года для несения караульной службы;²³ с другой стороны, как того и требовал Устав, он аккуратно представлял на рассмотрение ученого комитета свои творческие «упражнения».

Анализ архива Коншина²⁴ открывает любопытный факт: многое из его поэтического наследия 1820–1825 годов, куда входят не только послания и элегии, но и в большом количестве альбомные стихи, лирические миниатюры, могло составить сборник, но при этом даже не было обнародовано. Будучи членом ВОЛРС, Коншин не делал ставку на эти жанры. В начальный период своего сотрудничества с «ученой республикой» из более чем двадцати написанных посланий и элегий он предложил на обсуждение лишь несколько текстов. Помимо уже упомянутых посланий Баратынскому, в 1821 году Коншин представлял в Общество послание «Барону К...» («Любимец дружбы и Харит...», 1820), адресованное полковому товарищу К. Г. Клеркеру, которое было одобрено и опубликовано в «Соревнователе»,²⁵ а также элегии «Умиравший» (1820–1821) и «Воспоминание к Р...» («За рубежом владычества мечты...», 1821), последняя из которых появилась в «Новостях литературы»²⁶ А. Ф. Воейкова только в 1823 году — на одном развороте с любовными элегиями «Размолвка» («Прости, сказать ты поспешаешь мне...», 1823), «Безнадежность» («Желанье счастья в меня вдохнули боги...», 1823) Баратынского и «К Лиле» («О, чародейство красоты...», 1823) Дельвига. В более ранних номерах этого же издания обнаруживаются другие поэтические произведения Коншина, через ВОЛРС не проходившие: лирическая миниатюра «К ручью» («Тебя приветствую, домашний друг

¹⁷ Соревнователь просвещения и благотворения. 1820. Ч. 12. Кн. 12. С. 324.

¹⁸ Устав С.-Петербургского вольного общества любителей российской словесности. СПб., 1819. С. 15 (утвержден 19 января 1818 года).

¹⁹ ИРЛИ. Ф. 58. № 94. Л. 4.

²⁰ Там же. Базанов ошибочно указывает 13 мая как дату избрания Коншина в сотрудники ВОЛРС (Базанов В. Ученая республика. М.; Л., 1964. С. 444).

²¹ О сроках перевода в действительные члены ВОЛРС близких Баратынскому литераторов см.: Мартыненко А. Е. А. Баратынский и «Ученая республика»: к истории формирования литературной репутации поэта // Пушкинские чтения в Тарту. 6. Тарту, 2020. Вып. 2. Пушкинская эпоха. Pushkin's Era / Отв. ред. Р. Лейбов, Н. Охотин. С. 40–42 (Acta Slavica Estonica XII).

²² Согласно рукописным отчетам Общества за 1821–1822 годы, Коншин, став сотрудником ВОЛРС, во второй половине 1821 года участвовал в 7 заседаниях из 15 (ИРЛИ. Ф. 58. № 49. Л. 113), а в первые 7 месяцев 1822 года, до отъезда в Финляндию, посетил только 5 из 24 собраний (Там же. № 50. Л. 25 об.).

²³ Летопись жизни и творчества Е. А. Баратынского. С. 105–106, 118.

²⁴ Автографы и авторитетные копии стихотворений Коншина в рукописных тетрадах: ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 8. № 53; ИРЛИ. Р. I. Оп. 12. № 247.

²⁵ Соревнователь просвещения и благотворения. 1821. Ч. 15. Кн. 2. С. 242–243.

²⁶ Новости литературы. 1823. Кн. 5. № 38. С. 191–192.

села...», 1821)²⁷ и элегическое стихотворение «Поход» («Звучит призывный барабан...», 1822),²⁸ посвященное выступлению Нейшлотского полка из Петербурга обратно в Финляндию. В главном печатном органе Общества появится только одна элегия «К Лиде» («Вы, юный друг мой, не забыли...», 1823).²⁹ Хотя доля опубликованных Коншиным элегий в начале 1820-х годов невелика, именно тогда он обретает репутацию элегика, о чем свидетельствует, например, выразительное сопоставление, которое Пушкин использовал в письме Жуковскому от 17 августа 1825 года: «...согласен, что жизнь моя сбивалась иногда на эпиграмму, но вообще она была элегией в роде Коншина».³⁰ Такова авторитетная читательская рецепция ранних сочинений Коншина, сложившаяся за пределами институционального поля.

Показательно, однако, что, вступив в ВОЛРС, Коншин не стремился представлять в роли поэта-элегика, а напротив, видимо, хотел расподобиться с Баратынским, литературная стратегия которого в первой половине 1820-х годов была связана в основном с жанрами элегии и послания.³¹ В качестве нового сотрудника Общества Коншин, в свою очередь, ставит акцент на переводную ученую прозу и беллетристику.

В 1821 году он препровождает в ВОЛРС три перевода с французского языка. Первый текст — объемный фрагмент из «Истории правления императора Карла V» У. Робертсона.³² В реестре произведений, доставленных в Общество, он значится как «Отречение императора Карла V от престола, и — причины его к тому побудившие — торжественность сего отречения — отъезд в Гишпанию, — образ его новой жизни — его смерть — его характер»;³³ это сочинение Коншина было зачитано на заседаниях 24 октября и 7 ноября 1821 года и в начале 1822 года появилось в «Соревнователе» под заглавием «Отречение императора Карла V».³⁴ Второй перевод — «Отрывок из Парни (путешествие)», рассмотренный 22 ноября 1821 года (резолюция: «12 избр., 5 не избр.»),³⁵ остался неопубликованным. Третьим переводным текстом, снискавшим всеобщее одобрение на заседании «соревнователей» 6 июня 1821 года, была книга «Царствование Карла Великого...», уже упомянутая как несостоявшееся в 1818 году подношение Александру I.

Характерно, что после представления этого раннего перевода в ВОЛРС, Коншин вернулся к идее высшего подношения своего *opus magnum*. 27 января 1822 года, как следует из служебных формуляров, Коншин был пожалован бриллиантовым перстнем «за перевод истории Карла Великого» и в этом же году получил долгожданное дворянство.³⁶ Можно предполагать, что литературная институционализация Коншина в ВОЛРС способствовала тому, что его вторая попытка конвертировать переводческий ученый труд в репутационный статус увенчалась успехом. Этот труд Коншин даже намеревался выпустить отдельным изданием, о чем известно из объявления в весеннем номере «Соревнователя» за 1823 год, где среди достоинств сочинения отмечались широта охвата и уникальность исторического материала, ранее в переводе на русский язык не представленного, и говорилось о том, что «книга сия печатается хорошими литерами на белой бумаге, в 8 долю листа; цена за все три час-

²⁷ Там же. № 27. С. 15.

²⁸ Там же. Кн. 4. № 26. С. 107.

²⁹ Соревнователь просвещения и благотворения. 1824. Ч. 27. Кн. 1. С. 10–11. При этом в реестре произведений, читанных на заседаниях ВОЛРС в 1824 году, элегия не числится. Перепеч.: Новости литературы. 1826. Кн. 16. Май. С. 118–120 (под заглавием «К Делии», без 8 стихов, которые, как говорится в примечании, заменены на точки самим автором). Позднейшая редакция, под заглавием «Финляндия»: Поэты 1820–1830-х годов. Л., 1972. Т. 1. С. 360–361.

³⁰ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 13. С. 211.

³¹ Подробнее о ставке Баратынского на жанр элегии в ВОЛРС см.: Мартыненко А. Е. А. Баратынский и «Ученая республика». С. 42–48.

³² Robertson W. L'histoire du règne de l'empereur Charles Quint. Amsterdam; Paris, 1771. Т. 1–2.

³³ ИРЛИ. Ф. 58. № 49. Л. 126.

³⁴ Соревнователь просвещения и благотворения. 1822. Ч. 18. Кн. 1. С. 3–32.

³⁵ Базанов В. Г. Ученая республика. С. 406.

³⁶ См., например, об этом же: Кирпичников А. Н. М. Коншин 1793–1859 гг. С. 155.

ти 10 рублей».³⁷ Однако издательский проект, вероятно не собрав достаточный бюджет за счет подписки, так и не был осуществлен.

В течение 1823 года в «Соревнователе» были опубликованы еще два переводных текста Коншина: «Орден иезуитов»³⁸ и «Почему французский язык сделался всеобщим языком в Европе?».³⁹ Таким образом, из пяти французских переводов, которые Коншин отправлял в Общество, всего лишь один не имел успеха. В целом, как кажется, исторические «ученые» переводы Коншина оказались востребованными на волне интереса к достижениям различных наук, европейской и русской истории, политическим событиям современности⁴⁰ и, наряду с другими переводами нехудожественных текстов, в немалом количестве представленными на заседаниях ВОЛРС, отвечали просветительским установкам «ученой республики».

Коншин выступал в ВОЛРС не только как переводчик, но и как прозаик, правда, менее успешно. Его опыты в прозе начала 1820-х годов связаны с Финляндией, к которой — из-за личных обстоятельств и из-за повсеместного внимания к культуре и истории Северной Европы и Скандинавии⁴¹ — он проявлял интерес. 13 марта 1822 года ученое собрание, ознакомившись с сочинением Коншина «Берег дикого человека (финляндское предание). Повесть», вынесло решение: «исправить, сократить подробности излишние, выкинуть повторения».⁴² По-видимому, это было первое обращение Коншина к финской теме в рамках большого эпического жанра, которое не завершилось публикацией.⁴³

В последние годы существования ВОЛРС Коншин не был активным участником собраний. Согласно «Журналу ученых упражнений», в 1824 году он не представил ни одного сочинения,⁴⁴ а в 1825 году сначала в «Соревнователе»,⁴⁵ а затем и отдельным изданием вышла лишь его поэма «Владелец волшебного хрусталька (аллегорическая сказка)».

³⁷ Соревнователь просвещения и благотворения. 1823. Ч. 21. Кн. 3. С. 364.

³⁸ Там же. Кн. 2. С. 147–173.

³⁹ Там же. 1824. Ч. 27. Кн. 3. С. 255–289.

⁴⁰ Базанов считал, что, наряду с другими статьями и заметками об Испании, появившимися в «Соревнователе» в 1821–1822 годах, перевод Коншина «Отречение императора Карла V» был инициирован особым интересом участников ВОЛРС к революционным событиям 1820–1823 годов в Испании (Базанов В. Г. Ученая республика. С. 243).

⁴¹ Помимо многочисленных переводных и оригинальных художественных произведений, имеются в виду, например, циклы публикаций в «Соревнователе» и отдельные исторические работы, с которыми Коншин мог быть знаком: Лбо [Лобойко И.]. Об источниках Северной истории // Соревнователь просвещения и благотворения. 1818. Ч. 4. Кн. 2. С. 231–242; Брыков И. И. История Одина, победителя, законодателя, наконец бога древних Скандинавов // Там же. 1819. Ч. 8. Кн. 11. С. 59–79; Ч. 9. Кн. 12. С. 57–71; Брайкевич В. И. О северной поэзии, ее происхождении и характере // Там же. 1820. Ч. 9. Кн. 3. С. 249–269; Ч. 12. Кн. 12. С. 257–272; 1821. Ч. 16. Кн. 1. С. 26–65; Гак К. О походе новгородцев в Финляндию, упоминаемом в русских летописях (сочинение А. Гиппинга) // Там же. 1820. Ч. 10. Кн. 4. С. 35–54; Кн. 5. С. 110–131; Р. А. [Рихтер А.]. Нравы и обычаи древних норвежцев // Там же. 1822. Ч. 18. Кн. 2. С. 139–157; Рухтер А. О бардах, скальдах и стихотворцах средних веков. СПб., 1821; Лобойко И. Взгляд на древнюю словесность скандинавского Севера. СПб., 1821.

⁴² Базанов В. Г. Ученая республика. С. 413.

⁴³ Более поздние «Две повести (из записок о Финляндии): Густав Верт. Тайна» (СПб., 1833), возможно восходящие к «Берегу дикого человека», также были сдержанно встречены критикой. По выражению «Московского телеграфа», «...все это кажется <...> составлено из чужих впечатлений, не выдержано, обременено излишними вставками и не естественно» (Московский телеграф. 1833. Ч. 51. № 11. С. 469). В этом единственном печатном отклике на «финскую» прозу Коншина его упрекали также в необоснованном использовании эпитафий из Баратынского, Дельвига и Пушкина, по мнению критиков, никак не связанных ни с повествованием, ни с так называемой экзотикой места действия.

⁴⁴ При этом в «Мнемозине» (1824. Ч. 2. С. 155–156) Коншин публикует «Послание к Р.....ву» («Люби и пой, товарищ мой...», до 1824), которое, судя по стилистике и автобиографическому подтексту, написано еще в начале 1820-х и, по-видимому, адресовано сослуживцу Ратицеву, о котором Коншин упоминает в записках «Для немногих» (РНБ. Ф. 369. Оп. 283. № 1. Л. 14).

⁴⁵ Соревнователь просвещения и благотворения. 1825. Ч. 30. Кн. 2. С. 177–198.

Столь низкая творческая продуктивность в сравнении с весьма плодотворным предшествующим периодом, по всей видимости, объясняется биографическими, бытовыми обстоятельствами. В ноябре 1823 года Коншин вышел в отставку «с повышением», дающим право на чин коллежского ассессора, и вскоре вступил в статскую службу: в 1824–1825 годах он числился в костромской казенной палате и, располагая весьма ограниченными средствами, вынужден был посвящать большую часть времени служебной карьере, чтобы обеспечить достойную жизнь своей семье (в сентябре 1824 года Коншин женился на дочери генерал-майора Авдотье Яковлевне Васильевой). К тому же к началу 1824 года Коншин реализовал ту социальную стратегию, которую сформулировал для себя еще в конце 1810-х годов: получив дворянство и нужный офицерский чин, он оставил военную службу,⁴⁶ успев при этом составить себе и литературную репутацию, которая способствовала служебному и социальному продвижению.

Таким образом, как видно на примере Коншина, ВОЛРС не только решало литературно-просветительские задачи, но и было значимым социальным институтом. Участие в «ученой республике» стало для Коншина важным этапом в начале творческого пути, когда формировались его личностная и литературная идентичность, связанные с идеологией институционального сообщества и дружеского круга, принадлежности к которому он будет искать и в дальнейшем. В конце 1820-х — начале 1830-х годов Коншин сблизится с молодыми литераторами, группировавшимися вокруг Дельвига, а в конце 1840-х будет заниматься археографическими разысканиями, подготовит несколько публикаций для Императорского Московского общества истории и древностей российских и на почве интереса к средневековой русской истории установит связи с М. П. Погодиным, С. П. Шевыревым и Н. М. Языковым.

⁴⁶ Впоследствии сходным образом поступит и литературный наставник Коншина Баратынский: получив долгожданный чин прапорщика в апреле 1825 года, он отправится в четырехмесячный отпуск, а в декабре подаст прошение об отставке (Летопись жизни и творчества Е. А. Баратынского. С. 157, 163, 169).

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-2-142-151

© А. А. Карпов

А. С. ПУШКИН У О. И. СЕНКОВСКОГО («ФАНТАСТИЧЕСКИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ БАРОНА БРАМБЕУСА»)

Беллетристические отклики Сенковского на произведения Пушкина не раз привлекали к себе внимание исследователей творчества обоих авторов. Кажется, первое по времени наблюдение такого рода принадлежало В. А. Каверину и касалось опубликованной в начале 1833 года «статьи» Сенковского «Незнакомка».¹ В сумбурном многоголосном разговоре посетителей книжной лавки с торговцем Каверин выделил обмен репликами, практически уравнивающими пушкинский роман в стихах и одно из сочинений лубочного писателя Александра Анфимовича Орлова: «Извините, сударыня, все экземпляры „Онегина“ разобраны. — Так дайте мне „Угнетенную Невинность, или Поросенок в мешке“».² Нетрудно заметить, что комичное сближение Сенковским двух очевидно не равнозначных произведений представляет собой зеркальное отра-

¹ Каверин В. Барон Брамбеус: История Осипа Сенковского, журналиста, редактора «Библиотеки для чтения». Л., 1929. С. 51.

² Барон Брамбеус [Сенковский О. И.]. Незнакомка. Статья для моего хозяина // Новоселье. СПб., 1833. С. 32–33.